

Как давно мы не виделись
Любимая невеста

ЛЕРА КОТ

**Как давно мы не виделись,
любимая ненависть.**

«Автор»

2026

КОТ Л.

Как давно мы не виделись, любимая ненависть. / Л. КОТ —
«Автор», 2026

«— Жаль, что я не встретила тебя раньше — тихо сказала я». Говорят, Налибокская пуша не отпускает тех, кто хоть раз ступил на её скрытые тропы. Я не верила в эти сказки, пока не столкнулась лицом к лицу с ним. Он — игрок, нарцисс и мужчина, способный одним взглядом пробить любую ментальную защиту. Изнурительная работа в связке, его грубые уколы, случайные прикосновения и... Моё дикое, первобытное желание, с которым я не могла совладать. Я уехала к мужу. Я пыталась быть идеальной женой. Но Он продолжал забирать мой разум каждую ночь, являясь мне во снах. Прошёл год, и новый проект заставил меня вернуться в этот раскаленный лес. Я пришла, чтобы узнать правду о его судьбе и найти ответы. Но готова ли я к тому, что маска «Чеширского кота» спадет, а под ней окажется совсем не тот мужчина, которого я себе придумала?

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

ЛЕРА КОТ

Как давно мы не виделись, любимая ненависть.

Глава 1

На работе умоляли помочь с этим заказом. Ей, как ландшафтному дизайнеру, поручили разметить новые границы участков в самой дикой части Налибокской пуши, где планировалось обустройство эко-троп.

Моя задача была мелкой, но критически важной: я шла первой, замеряла лазерным геодезическим дальномером точные координаты деревьев, которые нельзя трогать, и вбивала маркерные колышки. Только после моей отметки бригада лесорубов могла заводить пилы и расчищать бурелом. Мы были связаны одной целью. Июльский полдень выдался нещадно жарким. Сквозь плотную крону елей пробивались слепящие лучи солнца, заставляя воздух буквально плавиться. В лесу стоял густой, одуряющий зной, пропитанный запахом нагретой хвои и липкой смолы. Тяжелые капли пота катились по моей шее, а футболка давно прилипла к спине. Однако звуки бензопил и грубого мужского смеха ничего заглушить не могло. Чуть дальше по просек работала бригада лесорубов - расчищали завалы после недавнего бурелома. Тяжелый грязный, чисто мужской труд. Стоило мне выйти на раскаленную солнцем поляну со своим планшетом, как гул пил стих, а по лесу пронёсся разбойничий свист. Я всем своим нутром почувствовала с десяток оценивающих взглядов. Кто-то из мужчин, утирая пот со лба, отпустил сальную шуточку в спину, послышался хохот. Обычная девчонка на моем месте сжалась бы или смущенно прибавила шаг. Но во мне не было страха. Даже бровью не повела. С абсолютно каменным лицом я проигнорировала их, молча воткнула колышек в сухую, потрескавшуюся землю и прильнула к оптическому прицелу. Для меня их не существовало.

— Хорош надрываться, мужики. Вы для неё — пустое место, — раздался из тени деревьев новый голос. Низкий, ленивый, бархатный, но с такой леденящей сталью, что вся бригада мгновенно заткнулась. Из знойного марева шагнул их бригадир. Высокий, широкоплечий. Он был в серой майке, взмокшей от тяжелого труда, которая обтягивала рельефные мышцы груди и плеч. На его руках темнели разводы от древесной золы, а темные растрепанные волосы отличали глянец под палящим солнцем. Держался он так, словно этот лес был его личным замком. Подошёл вплотную, бесцеремонно нарушая мои личные границы. От него пахло раскаленным хвоей и чистым, обжигающим мужским жаром.

— И долго ты будешь делать вид, что тебя это не трогает, куколка? — выплюнул он, окинув меня медленным, уничтожающим взглядом. Он явно не имел понятия, кто я и откуда, но решил ударить наотмашь.

— Прислали очередную городскую фифу в глушь. Думаешь, спряталась за этими умными приборами, и никто не заметит, как у тебя поджилки трясутся от страха? Насмотрелась картинок в инстаграме про романтику дикой природы? Ты же здесь под этим солнцем и пары часов не протянешь, только под ногами путаться будешь. Иди домой к мамочке, пока тепловой удар не схватила. Или в твоём районе парня не нашлось, раз ты решила перед мужиками в лесу на жаре покрутиться?

Каждое его слово было высокомерным и несправедливым, но он бил с пугающей, хирургической точностью. Он целился в мой самый большой комплекс — страх показаться слабой, неуместной, несуразной, городской девчонкой, которая абсолютно ничего не умеет. У меня перехватило дыхание. Он не просто ящил — он ломал мои мысленные щиты один за другим,

как будто знал то, чего не знал даже мой психолог. Я чувствовала себя абсолютно раздетой, униженной и растоптанной перед всей бригадой. Ему нужно было мое внимание, моя реакция — и он её добился. На секунду мне захотелось ударить его этим чёртовым дальномером.

— Молчишь? — он сделал ещё один шаг, сокращая расстояние до непозволительного минимума. В его глазах полыхнуло что-то дикое, нечеловеческое.

— Правильно. Молчи. Тебе идёт. Только не думай, что это спасёт тебя от того, что здесь произойдёт. Ты ведь приехала сюда ради меня, признай это.

И в этот момент меня накрыло.

Ярость вспыхнула внутри меня, но вместе с ней по венам ударила такая мощная, сносящая крышу волна первобытного притяжения, что земля ушла из-под ног. Мои зрачки мгновенно расширились, почти полностью затопив радужку. Весь мир вокруг — Налибокская пуша, изнуряющий зной, чертежи, обида — просто перестали существовать. Всё стерлось. Остался только он. Я смотрела на его дерзкие порочные губы, на каплю пота, медленно стекающую по его волевой шее, и понимала абсурдную вещь: этот наглец откровенно издевался надо мной, как-будто даже ненавидел меня, уничтожал словесно, но никто в жизни не смотрел на меня так, словно я — самое желанное и драгоценное существо на этой планете...

Набравшись смелости, заставляя голос не дрожать, сквозь зубы я процедила: — Я выполняю свою работу.

— И если вы не хотите сорвать сроки и влететь на штрафы, советую вам заткнуться и продолжать работать. Перепроверьте координаты. Я ставлю маркер.

Бригадир прищурился, в его глазах полыхнул дикий азарт. Он оценил то, что я огрызнулась в ответ.

— Ладно, птичка. Посмотрим, сколько ты выдержишь на этом пекле, — усмехнулся он. Он не отошел. Наоборот, он включился в работу в паре со мной. Теперь мы двигались шаг в шаг. Моя мелкая геодезическая работа требовала точности, а его тяжелый физический труд — силы. Я делала замер, вбивала колышек, а он тут же, буквально над моей головой, направлял ревущую бензопилу, расчищая путь ровно по моей линии. Мы находились так близко, что при каждом движении я едва не задевала его горячее плечо. Стоило мне наклониться к прибору, как я спиной чувствовала его тяжелое дыхание и пристальный, обжигающий взгляд. Весь день превратился в изнуряющую пытку: мы молчали, но напряжение между нами звенело, как натянутая струна. Каждое случайное прикосновение телами в этой духоте отзывалось во мне настоящим электрическим разрядом. Мы были заперты в этом раскаленном лесу вдвоем, и я понимала, что этот день изменит мою жизнь навсегда.

Часы ползли невыносимо медленно, под стать плавящемуся от зноя июльскому воздуху. Мы упрямо продвигались вглубь чащи, метр за метром размечая будущую тропу. Между нами по-прежнему звенело глухое, изнуряющее молчание. Мы демонстративно делали вид, что не замечаем друг друга. Я демонстративно не спрашивала, как зовут этого невыносимого наглеца, а он кривил губы, принципиально не интересуясь моим именем. Но это была фальшь. Самая настоящая, обоюдная ложь. На самом деле мы оба были сосредоточены друг на друге до предела. Я ловила периферийным зрением каждое движение его мощного плеча, а он, я была уверена, контролировал каждый мой вдох. Нас тянуло друг к другу с пугающей, первобытной силой, и эта жажда маскировалась под взаимную неприязнь. Спустя пару часов даже самые недогадливые мужики из бригады начали коситься в нашу сторону. На очередном перекуре, когда пилы наконец затихли, я услышала негромкий шепот у себя за спиной.

— Слышь, Михалыч, а с Глебом-то что сегодня? — тихо спросил молодой лесоруб у старшего. — Он обычно слова лишнего не обронит, мрачный как туча. А тут... петушится, как пацан перед девчонкой в школе. На ровном месте к малой цепляется. — Молодой еще, кровь играет, — усмехнулся в усы Михалыч, затягиваясь сигаретой. — Видишь же, зацепила его городская. Вот он и выкаблучивается, авторитет свой мужицкий перед ней доказывает. Глеб.

Так, значит, его зовут Глеб. Имя обожгло уши, но я даже не повернула головы. Зато слова лесорубов попали в самую точку. Я украдкой взглянула на Глеба, который в этот момент с особым, демонстративным ожесточением вонзил топор в сухое бревно, красуясь рельефными мышцами спины. До меня вдруг дошло, насколько точно рабочие описали его поведение. Он действительно вел себя как школьный хулиган, который из всех сил дергает за косички понравившуюся отличница. Он без конца пытался уколоть меня, отпустить едкое замечание по поводу моей работы, задеть или высмеять мою городскую одежду. И делал он это по одной простой причине: Глеб чувствовал, что ментально я на голову выше его. Он понимал, что не может дотянуться до моего уровня, до моей внутренней брони, и поэтому из всех сил пытался искусственно занижить мою самооценку, растоптать мое самоощущение, чтобы сравнять счёт. Он был игроком. И, надо признать, играл он чертовски профессионально. От его прицельных словесных ударов у меня до сих пор горели щеки, а обида мешалась со сладким, тягучим чувством собственной желанности.

«Интересно, скольким еще дурочкам он вот так морочил голову? — с внезапной злостью подумала я, глядя, как он уверенно и хищно движется среди деревьев. — Сколько местных деревенских девчонок пускали по нему слюни, готовые терпеть его скверный характер ради этого взгляда и этих рук?».

От этой мысли внутри уколола глухая, совершенно неуместная ревность. Я покрепче перехватила свой прибор. Ну уж нет. Со мной его излюбленные трюки не пройдут. Я не стану очередной галочкой в его списке побед. В этот момент Глеб резко обернулся, словно почувствовал мой тяжелый взгляд. Наши глаза снова встретились. Солнечный луч рассек его лицо, подчеркивая опасный блеск потемневших зрачков. Он сделал шаг ко мне, явно готовя очередную язвительную шпильку, но воздух между нами вдруг резко изменился. Птицы в ветвях мгновенно замолчали, а от земли повеяло странным, неестественным для летнего полдня холодом...

Глеб медленно пошел на меня, поигрывая топориком в руке. На его губах блуждала та самая самоуверенная, порочная усмешка, которая, спорю на что угодно, разбила не одно девичье сердце в этих краях. Он подошел так близко, что палящее июльское солнце между нами, казалось, превратилось в сплошной костер. Я физически ощущала, как от его взмокшей майки исходит жар. — Ну что, куколка, — протянул он, лениво опустив топор острием в землю и нависая надо мной. — Вижу, твой лазерный прибор уже закипает на этом солнцепеке. Может, признаешь, что эта работа не для твоих нежных ручек? Скажи мне «пожалуйста, Глеб, помоги», и я, так и быть, донесу твой тяжелый рюкзак до машины. Пока ты окончательно тут не расплавилась. Мужики из бригады за спиной тихо загыгыкали, предвкушая, как их крутой бригадир в очередной раз умоет городскую фифу. Глеб смотрел на меня сверху вниз с торжеством игрока, который уверен, что его карта бьет мою. Он ждал, что я вспыхну, начну оправдываться или позорно сбегу. Но он не знал, что я слишком хорошо поняла его тактику. Все эти его шпильки, это напускное высокомерие — просто попытка скрыть, как сильно его колышет мое присутствие. Ему было жизненно необходимо контролировать ситуацию. Мне безумно хотелось подойти к нему ещё ближе, максимально вплотную, сократить расстояние между нами до какого-то жалкого сантиметра, чтобы его спесь мгновенно испарилась. Посмотреть в эти пронзительные глаза — спокойно, холодно, без единой капли того шторма, который бушевал у меня в груди и сказать: *«Послушай меня, — ледяным тоном выговорила бы я ему прямо в лицо, заставив всю бригаду заткнуться. Я отошла к самому краю просеки, под сень раскидистой старой ели, и опустила на поваленный ствол. Доставать завернутые мамой бутерброды не хотелось — горло все еще сжимал тугой ком. Вместо этого я просто наблюдала. Я выбрала место так, чтобы Глеб оставался в зоне моей видимости, хотя сама я, судя по всему, сливалась с лесной тенью. Глеб лежал неподвижно, закинув мощные руки за голову. Его глаза были плотно закрыты, а лицо в расслабленном состоянии казалось моложе и...*

спокойнее. Без этой его вечной издевательской усмешки. Прошло минут двадцать. Мужики вокруг уже вовсю похрапывали на своих лежанках из лапника, когда Глеб шевельнулся. Он нехотя открыл глаза, достал из кармана брюк телефон и разблокировал экран. Не успел он полистать экран, как аппарат в его руке завибрировал. Звонок. В Налибокской пуще почти не ловила сеть, но Глеб даже не встал — видимо, его телефон знал какие-то особые места. Он поднес трубку к уху, и в звенящей лесной тишине я отчетливо услышала, как из динамика пробился высокий, мелодичный голос молодой девушки. — Да, — негромко ответил Глеб. Его голос мгновенно изменился — исчезла та опасная, колючая сталь, которой он шпынял меня. Он говорил спокойно, почти мягко. — Нет, еще на делянке. Буду поздно. Ужинай без меня. Да, помню. Каждое слово Глеба ударяло по мне не хуже его утренних издевательств. «Ужинай без меня», «помню»... По характеру их короткого, будничного разговора я с ужасом поняла: между ними уже давно устоявшиеся, прочные отношения. Они, возможно, даже живут вместе. Серьезные это отношения или он просто позволяет себя любить — я знать не могла. Да и какое мне, собственно, было дело? Внутри противно заныло. Вся моя утренняя «уверенность» и глупые мысли о том, что я для него «самая желанная на планете», рассыпались в прах. Обычный деревенский кобель. А я — дура, которая придумала себе мистику на пустом месте. После этого звонка Глеб поднялся, громко скомандовал конец обеда, и ад завертелся с новой силой. Вот только правила игры изменились. До самого конца рабочего дня Глеб вел себя так, словно меня не существовало в природе. Он больше не подходил близко, не нарушал мои границы. Я была для него пустотой, прозрачным воздухом. Лишь дважды за несколько часов из его рта вылетели незначительные, мелкие колкости — один раз по поводу того, что я слишком долго выставляю уровень дальномера, второй — когда я споткнулась о корень. — Городские ноги для асфальта деланы, — лениво бросил он мимоходом, даже не обернувшись. Внутри меня все вскипало, но я опять промолчала. Сжала зубы и оставила его выпады без ответа. Никаких эмоций, никакого внимания. Раз я для него никто — пусть подавится своей язвительностью. Когда солнце наконец начало садиться, окрашивая верхушки пущи в багровые тона, работа была закончена. Мужики шумно грузились в старый рабочий «ЗИЛ», а я собирала свои приборы, чувствуя себя выжатой как лимон. Глеб стоял у кабины грузовика, переговариваясь с водителем. Он ни разу не посмотрел в мою сторону, пока я шла к маминной машине. Но стоило мне завести мотор и включить фары, разрезая вечерние сумерки леса, как в зеркале заднего вида я поймала его силуэт. Он стоял на дороге абсолютно один, и его темная фигура на фоне засытающего леса выглядела пугающе неподвижной. И в этот последний миг мне показалось, что его глаза снова хищно сверкнули золотом в свете моих фар... — Твои дешевые школьные подкаты на меня не действуют. Я прекрасно вижу, что ты делаешь. Ты из всех сил пытаешься опустить меня до своего уровня просто потому, что боишься. Боишься, что я не посмотрю на тебя так, как смотрят все те дуручки, которым ты привык морочить голову. Мне плевать на твои авторитеты. Работай молча». Это было бы красиво. Это было бы сокрушительным ударом по его мужскому эго. Но в реальности я не произнесла ни звука. Я стояла, намертво приросшая сапогами к раскаленной земле, судорожно сжимая в руках маркерный колышек. Горло словно забило сухой хвоей. Мои зрачки были огромными, дыхание — рваным, а наглый, торжествующий взгляд Глеба удерживал меня на месте надежнее любых цепей. Я молчала, чувствуя себя абсолютно беззащитной перед этой знойной, плавающей мысли волной первобытного притяжения. Я проиграла этот раунд, так и не решившись открыть рот. — Обе-е-ед! — вдруг оглушительно, во всю глотку гаркнул Глеб, резко отвернувшись от меня. Звук его голоса разорвал натянутую струну между нами, как выстрел. Наваждение мгновенно осыпалось. — Шабаш на час, мужики! Пекло невыносимое! — скомандовал Глеб, уже на ходу сдергивая с пояса флягу с водой. Он больше не смотрел в мою сторону, словно нашей минутной дуэли никогда не существовало. Просека тут же ожила. Лесорубы с облегченным уханьем побросали топоры и бензопилы. Тишина дикого леса наполнилась шуршанием

пакетов, звоном термосов и довольным бурчанием. Мужики принялись обживать поляну: кто-то усаживался на широкие свежие пни, превращая их в импровизированные столы, а кто-то шустро сооружал себе лежанки прямо на мягком мху из лапника и старых курток, собираясь покимарить законный час в тени исполинских елей. Я осталась стоять посреди залитой солнцем просеки, чувствуя, как запоздало дрожат колени. Воздух вокруг Глеба больше не казался раскаленным, но мое запястье, к которому он так и не прикоснулся, жгло фантомным огнем. Глеб устроился чуть поодаль от всех, бросив под спину охапку веток. Он закинул руки за голову, закрыл глаза и, казалось, мгновенно уснул. Но по тому, как напряглась его широкая грудь, когда я сделала шаг в сторону тени, я поняла: этот раунд окончен, но сама игра только начинается.

Я отошла к самому краю просеки, под тень раскидистой старой ели, и опустила на поваленный ствол. Доставать завернутые мамой бутерброды не хотелось — горло все еще сжимал тугой ком. Вместо этого я просто наблюдала. Я выбрала место так, чтобы Глеб оставался в зоне моей видимости, хотя сама я, судя по всему, сливалась с лесной тенью. Он лежал неподвижно, закинув мощные руки за голову. Его глаза были плотно закрыты, а лицо в расслабленном состоянии казалось моложе и... спокойнее. Без этой его вечной издевательской усмешки. Прошло минут двадцать. Мужики вокруг уже вовсю похрапывали на своих лежанках из лапника, когда Глеб шевельнулся, то нехотя открыл глаза, достал из кармана брюк телефон и разблокировал экран. Не успев полистать, телефон завибрировал. В Налибокской пуще почти не ловила сеть, но Глеб даже не встал — видимо, его телефон знал какие-то особые места. Он поднес трубку к уху, и в звянящей лесной тишине я отчетливо услышала, как из динамика пробился высокий, мелодичный голос молодой девушки.

— Да, — негромко ответил Глеб. Его голос мгновенно изменился — исчезла та опасная, колючая сталь, которой он шпынял меня. Он говорил спокойно, почти мягко. — Нет, еще на делянке. Буду поздно. Ужинай без меня. Да, помню. Каждое слово Глеба ударяло по мне не хуже его утренних издевательств. «Ужинай без меня», «помню»... По характеру их короткого, будничного разговора я с ужасом поняла: между ними уже давно устоявшиеся, прочные отношения. Они, возможно, даже живут вместе. Серьезные это отношения или он просто позволяет себя любить — я знать не могла. Да и какое мне, собственно, было дело? Внутри противно заныло. Вся моя утренняя «уверенность» и глупые мысли о том, что я для него «самая желанная на планете», рассыпались в прах. Обычный деревенский кобель. А я — дура, которая придумала себе мистику на пустом месте. После этого звонка Глеб поднялся, громко скомандовал конец обеда, и ад завертелся с новой силой. Вот только правила игры изменились. До самого конца рабочего дня Глеб вел себя так, словно меня не существовало в природе. Он больше не подходил близко, не нарушал мои границы. Я была для него пустотой, прозрачным воздухом. Лишь дважды за несколько часов из его рта вылетели незначительные, мелкие колкости — один раз по поводу того, что я слишком долго выставляю уровень дальномера, второй — когда я споткнулась о корень. — Городские ноги для асфальта деланы, — лениво бросил он мимоходом, даже не обернувшись. Внутри меня все вскипало, но я опять промолчала. Сжала зубы и оставила его выпады без ответа. Никаких эмоций, никакого внимания. Раз я для него никто — пусть подавится своей язвительностью. Когда солнце наконец начало садиться, окрашивая верхушки пуши в багровые тона, работа была закончена. Мужики шумно грузились в старый рабочий «ЗИЛ», а я собирала свои приборы, чувствуя себя выжатой как лимон.

Глеб стоял у самой кабины, о чем-то негромко переговариваясь с водителем. Он так ни разу и не посмотрел в мою сторону. Словно меня и не было здесь все эти изнурительные часы. Наш деревенский дом, где мы с мамой остановились на время этого проекта, находился не так далеко — на самой окраине пуши. Ехать на машине не имело смысла. Я молча собрала свои приборы в тяжелый рюкзак и пошла пешком по лесной тропе. Ушла, не сказав бригаде ни единого слова на прощание. Мне потребовалось около получаса, чтобы дойти до дома, и все эти тридцать минут моя голова буквально взрывалась от мыслей. Все мои чувства смешались в

одну безумную, пугающую кучу. Внутри полыхала дикая злость на его высокомерие и искренняя ненависть за те самые обидные, хирургически точные шпильки, которыми он пытался растоптать мою самооценку. Но в то же время по венам продолжало циркулировать глухое, порочное, сносящее крышу желание. Стоило мне закрыть глаза, как перед мысленным взором вставало его крепкое, упругое, взмокшее от работы тело, запах хвои и озона, исходящий от его кожи, и этот пронзительный взгляд, от которого плавилась мысли. А сверху всё это полировалось удушающей, ядовитой ревностью к той незнакомке, которая звонила ему на обеде. Такого колоссального спектра эмоций я не испытывала очень давно. Пожалуй, со времен моих шестнадцати лет и самых первых, болезненных подростковых отношений. Я чувствовала себя преданной собственным телом и разумом. Как обычный деревенский лесоруб с отвратительным характером смог за один день разрушить мою внутреннюю броню? Мой хаотичный, лихорадочный поток мыслей прервал резкий звук. В сумке зазвонил телефон. Наверное, я наконец вышла к зоне, где сотовая вышка добивала до окраины леса. Остановившись у калитки нашего двора, тяжело дыша, и дрожащими пальцами достала мобильный. Взглянула на светящийся экран, и сердце в груди на секунду просто перестало биться. На дисплее горела крупная надпись:

«Любимый муж».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.